

«ЗАМЕТКИ О ЦВЕТЕ» ЛЮДВИГА ВИТГЕНШТЕЙНА: ОТ ЛОГИКИ ЦВЕТА – К СОЦИОЛОГИИ ЦВЕТА

В. А. Суровцев

Институт философии и права СО РАН
surovtsev1964@mail.ru

К. А. Родин

Институт философии и права СО РАН
rodin.kir@gmail.com

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18-78-10082)

«Заметки о цвете» Витгенштейна посвящены исследованию логики (или грамматики) цвета. В нашей статье логика цвета (цветовых понятий) рассматривается в контексте различных редукционистских проектов – когда логические отношения сводятся к объективному определению цвета (проект Джонатана Вестфала) или универсализируются в рамках определенной экспликации (таковой может выступать цветовой октаэдр и др.). Такие способы редукции при детальном рассмотрении показывают собственную несостоятельность. В данной статье мы прочитываем «Заметки о цвете» Витгенштейна как последовательную критику редукционистских проектов в исследовании отношений между цветовыми понятиями. В первом случае (в споре с Вестфалем) придерживаемся позиции Элейн Хорнер. При рассмотрении универсалистских редукций логики цвета подробно разбираем работу Габриэлы Мрас. В завершающей части статьи пытаемся показать обусловленность (на уровне исходных предпосылок) некоторых социологических и антропологических исследований цвета универсалистской тенденцией (кратко рассматриваются работы Уильяма Риверса и исследования Берлина-Кея). Здесь нашу статью можно рассматривать в качестве дополнительного комментария к работе Мартина Куша.

Ключевые слова: цветовые понятия, логика (грамматика) цвета, языковые игры, феноменология, социология и антропология цвета.

WITTGENSTEIN'S "REMARKS ON COLOUR": FROM COLOUR LOGIC TO SOCIAL STUDIES OF COLOUR

Valery A. Surovtsev

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
surovtsev1964@mail.ru

Kirill A. Rodin

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia
rodin.kir@gmail.com

The main theme in Wittgenstein's "Remarks on Colour" is the logic (or grammar) of colour. We consider the logic of colour in the context of various reductionist projects in which logical relations between colour concepts are planned to be reduced to an objective definition of colour (it is the first variant of reduction and here we will take as an example a project of Jonathan Westphal) or are planned to be universalized within the framework of a certain explication (such may be the colour octahedron, etc.) (the second variant). When examined in detail, both variants show their own insolvency. We read Wittgenstein's remarks on colour as a consistent criticism of any reductionist projects in the study of the relationship between colour concepts. In the first case (with Westphal) we adhere to the position of Elaine Horner. When considering universalistic reductions, we look in detail at the work of Gabriela Mras. In the final part of the article, we try to show how the universalist tendency (at the level of initial premises) influences some sociological and anthropological studies of colour (we briefly consider the works of William Rivers and Berlin & Kay). And our article can be taken as an additional commentary on the work of Martin Kusch.

Keywords: colour, colour concepts, logic of colours, language games, phenomenology, colour in sociology and anthropology.

DOI 10.23951/2312-7899-2020-2-25-38

Языковые игры держатся среди прочего на некоторых безоговорочных утверждениях. Нам трудно понять несогласие с высказыванием «белый – самый светлый цвет». За несогласием здесь неизбежно последует отрицание привычной системы цветов: дальнейший разговор (описание отношений между различными цветами или описание окрашенных вещей) станет бессмысленным. Витгенштейн называет такие безоговорочные утверждения грамматикой или логикой цвета.

Несколько примеров:

- нет зеленовато-красного цвета;
- красный темнее розового;
- белый цвет всегда непрозрачный (белый – это цвет поверхности).

Дополнительные примеры нетрудно найти в «Заметках о цвете» (ЗоЦ) Витгенштейна [Wittgenstein 1997]. Цвета могут быть взаимно определены. На цветовом круге фиолетовый – между красным и синим и пр. Однако при переходе от схемы цветового круга к живописи (например) определенность цвета утрачивается. Розовый можно нарисовать темнее красного. И все же безоговорочность утверждения «красный темнее розового» не будет поставлена под сомнение. Ведь в логике интересно именно понятие (не фактура или особенности восприятия) цвета. **Понятием** белого подразумевается непрозрачность. Тогда мы можем сказать: непрозрачность – свойство белого цвета. И можем дать определение белого. Но на самом деле не можем. Просто потому, что белый цвет – не объект.

Грамматика цвета видна в высказываниях «красный темнее розового» и пр. Внутри грамматики понятие цвета жестко зафиксировано. Любое рассмотрение понятия цвета вне грамматики для Витгенштейна будет неправомерным. Здесь нужно строго определить разницу между понятием и определением. Можно выделить три способа определения понятия цвета:

- объективное (условно научное) определение (предмет первой части статьи);
- феноменологическое определение;
- лингвистическое или концептуальное «определение» (здесь же рассматривается ограниченность и эволюция семантической категории цвета, критерии сравнения и тождества цветов и т. д.).

Последний способ пересекается с исследованием грамматики (логики) цвета и по существу определения **цвета** не дает. Второй способ (фиктивного) определения цвета мы разбирать не будем. ЗоЦ часто справедливо прочитывают как критический ответ на феноменологическую теорию Гёте (см.: [McGinn 1991]). Для Витгенштейна феноменологическая теория цвета – просто не теория. Но только маскирующееся под теорию описание способов употребления цветовых понятий в наших языковых играх. Витгенштейна в принципе не интересовало феноменологическое исследование цвета. И он никогда подробно не изучал работы Гёте.

В статье мы разбираем различные попытки редуцировать грамматику (логику) цвета: от попыток полного отрицания специфического статуса приведенных выше утверждений (здесь ключевую роль

играет объективное определение цвета) до разных вариантов эксплицитного представления (тоже редукции) логики цвета (соответственно первый и второй раздел статьи). В заключительном разделе статьи ЗоЦ рассматриваются как возможные комментарии к методологии современных исследований антропологии и социологии цвета.

I. Современные попытки объективного определения цвета восходят к экспериментам Ньютона.

В 1666 году Ньютон наблюдал разложение белого света на световые лучи разного цвета от красного до фиолетового. Как оказалось, скорость распространения светового луча в оптической среде и степень преломления зависит от длины световой волны (меньшая длина волны – меньшая фазовая скорость и большая степень преломления). Так, из видимого спектра световой луч красного цвета имеет максимальную скорость распространения в среде и минимальную степень преломления. Дисперсия (разложение) света сегодня однозначно понимается как зависимость между цветом светового луча и степенью преломления. Именно от интерпретации результатов Ньютона отгалкивается «объективное» понимание цвета: цвет объекта определяется через длину волны отраженного от поверхности данного объекта светового луча (Ньютон не считал лучи окрашенными и не отрицал субъективной стороны восприятия цвета). Признание релевантности подобного определения приводит к отрицанию (относительной) независимости (от объективных фактов) суждений о цвете: логика цветовых понятий редуцируется к эмпирическим высказываниям о цветах объектов и общепринятым логическим операциям над такими высказываниями. Соответственно, исследование логики цвета в отсутствии предмета становится излишним. Такую метафизическую (основанную на метафизике реализма) критику Витгенштейна дал Джонатан Вестфаль в работе «Цвет: некоторые философские проблемы Витгенштейна» [Westphal 1987]. Согласно Вестфалю, истинность высказываний типа «белый – самый светлый цвет» или «не существует прозрачного белого» возможно продемонстрировать эмпирическим путем через объективное определение цвета.

Определение цвета (Вестфаль называет такие определения *real*) должно быть необходимо истинным и удовлетворять научному описанию и – субъективному опыту (феноменологии) видения цветов [Westphal 1987, 8]. Кроме того, высказывания типа «нет прозрачного белого» должны приниматься за необходимо истинные **не априори** (этого требует искомое соответствие с последующей редукцией

логики к известным на опыте физическим свойствам цвета). Итак, нужно допустить единую метафизическую необходимость (необходимую истинность не априори) эмпирических и логических высказываний и своего рода тождество феноменологических и физических свойств цвета. Элейн Хорнер первой показала ошибочность таких допущений (см.: [Horner 2000]) (далее мы кратко излагаем аргументы автора):

– не существует прозрачного белого.

Иначе: белый цвет – это всегда цвет поверхности.

Согласно Вестфалю, белая поверхность по определению рассеивает или отражает падающий свет. Отражение менее 80 % света (свет поглощается или пропускается сквозь) не соответствует понятию белого. Следовательно, прозрачный белый цвет – противоречие (прозрачный белый объект поглощает и пропускает большую часть падающего света). Конъюнкция высказываний «x – белый» и «x – прозрачный» дает противоречие. Обычная логика применяется здесь к известным физическим и феноменологическим свойствам белого цвета (и никакая логика цвета не нужна) [Westphal 1987, 21]. В терминах «теории» цвета Гёте (т. е. феноменологически) белый цвет соответствует минимальному затемнению. Белая поверхность не затемняет (не поглощает) свет. Поэтому определение белого как цвета отражающей не менее 80 % света поверхности соответствует самому светлому цвету и нашему феноменологическому восприятию белого как наименьшей степени затемнения.

Обратимся бегло к некоторым примерам Витгенштейна (они потребуются дальше при обсуждении определения цвета по Вестфалю). Представим изображенное на рисунке прозрачное зеленое стекло (пусть за зеленым стеклом виднеются очертания некоторого предмета). 1. Визуальное впечатление от нарисованного стекла, очевидно, не совпадает со зрительным восприятием объекта матового цвета [I 18] (ссылки на ЗоЦ здесь и далее приводятся в квадратных скобках с указанием раздела и страницы). 2. Если бы мы видели раньше только объекты зеленого матового цвета – нам было бы трудно представить прозрачное зеленое стекло. 3. Естественно, прозрачный зеленый объект обладает другими физическими свойствами в сравнении с матовым объектом. Другой пример: пусть демонстрируется образец розового матового цвета и потом требуется найти стекло такого же цвета. Можно выбрать мутно-розоватое стекло **или** прозрачное стекло красноватого оттенка [I 24]. Все эти примеры показывают удивительную неопределенность понятия **одинаковости (тождественности)** цвета. Можно сказать: не существует отдельных

групп прозрачных и непрозрачных цветов (зеленые прозрачные объекты мы могли бы и не называть зелеными: зеленый также был бы цветом поверхности [I 46]). Просто одни понятия применяются к прозрачным и непрозрачным объектам. Другие – только к непрозрачным.

Непрозрачность – не свойство белого цвета [I 45]. Вестфаль понимает данное утверждение так: будто прозрачность или непрозрачность – свойство объектов или поверхностей (не цвета). Тогда как Витгенштейн подразумевает: непрозрачность – часть грамматики нашего понятия «белый цвет». Однако главная трудность для Вестфалья кроется в неудачном определении поверхности:

отражение определенного процента света – необходимое условие белого;

– нечто отражает 80 % света – и значит, достаточно **твердое** и может быть названо поверхностью.

Вестфаль связывает понятие поверхности с понятием твердого тела [Westphal 1987, 25]. Избежать такого хода Вестфаль не может. Утверждение «не существует прозрачного белого» в нашем языке **грамматически** неразрывно связано с утверждением «белый – свойство поверхности». Дальше свойство непрозрачности приписывается в некотором объективном смысле поверхности. И теперь Вестфалью нужно определить понятие поверхности: нечто отражает... – значит, оно достаточно твердое и может быть названо поверхностью. Однако твердым может быть только физическое тело (не поверхность). Но твердое тело необязательно непрозрачное (например, бутылка из прозрачного зеленого стекла). И кроме того, поверхность имеют непрозрачные и прозрачные тела. «Объективное» определение поверхности Вестфалью не удалось. Выражение «цвет поверхности» подразумевает неспособность видеть сквозь (языковое значение слова «поверхность») и больше ничего (хотя этим и не отрицаются никакие физические факты). Поверхность нельзя определить через твердость: белая краска, снег, шерсть, молоко, сахар или пена для бритья и прочее тоже белые.

Белый цвет – это всегда цвет поверхности...

Данное выражение не подразумевает обязательного существования некоторой физической реальности под названием «поверхность». Просто называемое белым должно **выглядеть** как поверхность.

Феноменологическое восприятие цветов не должно совпадать (и фактически не совпадает) с четко фиксированными физическими характеристиками. Здесь очередной пробел в работе Вестфалья.

Прозрачные объекты не всегда обязательно выглядят как прозрачные (то же самое и с непрозрачными объектами). Прозрачные объекты иногда выглядят белыми. А поверхность – прозрачной (как в случае с нарисованным стаканом вина). Но, будучи фактически (независимо от нашего видения) прозрачным, объект не может выглядеть одновременно белым и прозрачным: видение объекта белым исключает видение объекта прозрачным (хотя пусть фактически перед нами и прозрачный объект). В данном случае известные физические факты невозможно единообразно согласовать с восприятием. Здесь никакие эмпирически истинные суждения относительно фактически прозрачного объекта не способны объяснить **априори** истинное (принадлежащее логике цветовых понятий) утверждение «видение объекта белым исключает видение объекта как прозрачного». Но ведь даже и белый цвет мы в принципе **можем** (логика цвета допускает исключения и не является логикой в строгом смысле слова) не отождествлять с цветом поверхности. Например, прозрачные облака или белые отсветы языков пламени [Ш 145].

Наивно-метафизический проект Вестфала содержит ряд связанных ошибок и неверных допущений:

- не учитывается неопределенность понятия тождественности цветов: визуальное впечатление (и эмпирическая реальность) от прозрачного и матового зеленого существенно различается (однако везде мы называем **один и тот же** цвет);
- белый цвет жестко связывается с непрозрачной поверхностью (хотя наши языковые игры иногда все-таки допускают белый прозрачный цвет);
- понятие поверхности ошибочно объясняется через твердость физического тела. Тогда как поверхность – это феноменологическая характеристика (факт нашего восприятия).

Вестфаль объяснил только нашу неспособность видеть сквозь непрозрачные белые объекты. Любое стремление редуцировать грамматические конвенции относительно цветовых понятий заранее уже исходит из подобных конвенций.

II. Понятие «геометрия цвета» остается неуточненным. Синонимичные выражения типа «грамматика (логика) цвета» или «цветовые конвенции» не помогают. Но предположим:

- нашу геометрию цвета можно попытаться определенным образом **репрезентировать**.

Рассмотрим в качестве такой репрезентации цветовой октаэдр (Витгенштейн упоминает цветовой октаэдр в «Философских замет-

ках» [Wittgenstein 1975 XXI 221] (ссылки на работы Витгенштейна далее – в общепринятом англоязычном формате)). Из цветового октаэдра каким-то образом сразу видна недопустимость выражений типа «красноватый зеленый». Но видна именно нам – как уже привыкшим к нашей логике цвета. По-настоящему способ перевода или перехода от пространственных (геометрических) отношений (представленных в цветовом октаэдре) к отношениям между определенными суждениями (разрешенными или запрещенными нашей логикой цвета) остается всегда неопределенным (еще одна проблема: нужно уточнить смысл модальности в высказывании типа «мы **не можем** сказать красноватый зеленый») (см.: [Mras 2014]). В соответствии с предыдущим разделом придется отвергнуть и самый простой ответ: цветовой октаэдр репрезентирует грамматику (логику цвета) через соответствие пространственных отношений и физических свойств цвета. Таким образом: представление логики цвета через октаэдр (геометрически) не позволяет перейти к возможности (невозможности) смешивания цветов (и к соответствующим суждениям). Правила «прочтения» октаэдра должны быть озвучены или уже предполагаться по умолчанию **нашей** логикой цвета.

Итак, система цветов (логика цвета) запрещает и разрешает определенные суждения. Следует рассматривать подобные исключения и возможности как элементарные инструкции. Никакого существенного значения способы репрезентации (инструкций) по типу цветового октаэдра (не будучи самодостаточными) не имеют. В лекциях по основаниям математики (см.: [Wittgenstein 1976]) Витгенштейн часто возвращается к невозможности построения правильного семиугольника с помощью циркуля и линейки. Наше понятие правильного n -угольника и наши правила построения таких фигур исключают правильный семиугольник. Но главное – (пусть нам известна только одна техника построения правильных n -угольников – только при помощи циркуля и линейки – и пусть множество правильных многоугольников исчерпано данной техникой и никакие другие многоугольники неизвестны) – выражение «правильный семиугольник» (в рамках определенной техники) не имеет смысла: мы не можем понять, **что** мы не можем построить, когда «мы не можем построить правильный семиугольник». Мы могли бы заменить возможность на «разрешено» и совершенно не использовать категорию возможности в случае бессодержательных терминов типа «красноватый зеленый». Так наша система цвета (аналогично определенному способу построения правильных

n-угольников) исключает одни сочетания цветов (и соответствующие суждения) и разрешает другие. «Красноватый зеленый» не противоречие и не приводит к противоречию (потому как оно – не результат отрицания истины априори или аналитической истины), но просто не предусмотрен нашей системой цвета (не входит в понятие цвета). В каком-то смысле мы не можем продвинуться в разъяснении наших языковых конвенций (относительно цвета) дальше простого описания (в целях обучения или объяснения) способов их фактического использования. Любая репрезентация конвенций заранее предполагает использование определенных грамматических правил (см.: [Wittgenstein 1975 I 7]) и только на основании правил и может быть прочитана (цветовой октаэдр не исключение). Мы могли бы говорить о некотором самодостаточном выражении логики цвета, если бы такая логика (пусть на уровне некоей структуры) действительно существовала (тогда как в строгом смысле логика цвета **не** логика (как и правила построения правильных n-угольников – просто правила)). Резюмируем. Попытка выразить логику цвета сталкивается с неразрешимыми трудностями:

- Репрезентация логики (грамматики) цвета никогда не может быть самодостаточной и в порядке прочтения и понимания неизбежно потребует обращения к конкретной практике употребления цветовых понятий в наших языковых играх. Иначе: правила для применения **эксплицированных** правил (в данном случае такими эксплицированными «правилами» выступают пространственные отношения между цветами в октаэдре) не существует (вспомним «проблему скептика» относительно правильного применения правила). Любая экспликация (выражение) правил будет вторичной по отношению к фактическому использованию цветовых понятий (будет лишь репрезентацией).
- Записанные среди грамматических конвенций (базовых утверждений логики цвета) утверждения типа «не существует красноватого зеленого» не представляют ни тавтологий, ни противоречий. Сомнительным оказывается и употребление понятий «необходимости» и «возможности» в применении к бессмысленному выражению «красноватый зеленый».
- Логика цвета нельзя сублимировать или выделить из различных языковых игр (логика цвета непостоянна – границы могут смещаться и в действительности смещаются). Такой ошибочной сублимацией и оказывается эксплицированная геометрия цвета. Мы понимаем известные отношения между различными цветами. Понимаем высказывания типа «синий цвет ближе к пурпурному –

не к желтому» или же «зеленый цвет – между желтым и синим». Но такие отношения нельзя использовать при определении цвета: «быть зеленым – значит быть между желтым и синим» никак по существу (независимо) не определяет зеленый цвет.

Для понимания (логических) отношений между разными цветами нужно заранее как-то владеть понятием синего и пр. Но мы должны учитывать и следующее замечание: цвета сами по себе не имеют свойств (цвета – не вещи) (см.: [Ш 127]). Поэтому и никакого независимого определения зеленого дать нельзя. Быть зеленым – просто значит не быть желтым. Быть зеленым – просто значит быть зеленым. Противоположность и родственность цветов составляют основу логики цвета [Ш 46]. Но понятия родства и одинаковости и (в меньшей степени) контрастности не поддаются строгому определению и зависят от разнообразного контекста наших языковых игр.

Эксплицированная (или репрезентированная каким-либо способом) логика (грамматика) цвета будет не больше очередной схемы (иногда технически полезной) {Бибихин предлагал в противопоставлении привычным схематизациям нашего цветового восприятия вместо логики или геометрии говорить о топологии цвета [Бибихин 2005, 503 и далее]}. ЗоЦ содержат многочисленные примеры подвижности и несводимого разнообразия нашего восприятия цветов.

Два способа редукции логики (грамматики) цвета допускают одну ошибку: грамматика цвета заранее предопределяет проект редукции. В претензии на естественное объяснение отдельных высказываний объективное определение цвета исходит из (чисто феноменологического) понятия поверхности и принимает за непроверяемую истину грамматические высказывания «белый – самый светлый цвет» и пр. С другой стороны, геометрическое (какое-либо другое эксплицитное) выражение логики цвета также исходит из абсолютной (фактически не существующей) жесткости отдельных грамматических конвенций и может быть в отсутствии правил собственного применения и прочтения (учитывая еще и неспособность объяснить логику цвета и место отдельных цветов в общей структуре) принята только за более-менее удачную репрезентацию, которую опять же невозможно рассматривать отдельно от грамматических конвенций. Назовем два типа редукции соответственно объективистской редукцией и универсализацией.

III. В некоторых исследованиях психологии и антропологии цвета заметны следы универсализации: устоявшиеся различия или

«логические свойства» наших цветов принимаются за основу при изучении восприятия и системы цветов западных культур. Критическое прочтение (вплоть до полного отвержения) методологии и результатов таких исследований отчасти согласуется с замечками Витгенштейна. На важность ЗоЦ в контексте исследований психологии и социологии цвета недавно указал Мартин Куш, к работе которого мы и обратимся.

В первую очередь кратко резюмируем описанный Мартином Кушем исторический контекст [Kusch 2014].

Антропологическая экспедиция (которую возглавлял Альфред Хэддон) к островам Торресова пролива (между Австралией и Папуа – Новой Гвинеей) (1898–1899) включала исследования восприятия и классификации цветов местными жителями. Здесь основную работу проделал Уильям Риверс. Он намеревался эмпирически проверить предположение Гладстона и Гейгера об эволюционном постепенном развитии в восприятии цветов у разных народов (идея сформировалась из якобы несовершенного восприятия цвета Гомером). Интерпретация несложных экспериментов по классификации различных цветов (и выявлению отсутствия отдельных цветковых категорий в соответствующих языках) позволила Риверсу сделать вывод: благодаря эволюционному развитию спектр постепенно пополняется новыми цветами (самый недавний из которых – синий: представители попавших в эксперимент племен как раз чаще всего путали или воспринимали за один цвет (или вообще не имели такого понятия цвета) синий и зеленый или фиолетовый (иногда – синий и черный)). Наблюдались существенные вариации в чувствительности к синему. Методология Риверса и интерпретация результатов экспериментов подверглись серьезной критике. Не было оснований (мы упоминаем лишь отдельные возражения) для связывания чувствительности к цвету и лингвистических фактов. Кроме того, перевод местных цветотерминов в наши цветковые понятия не был продуман в деталях. Но главное – никаких доказательств качественной отсталости отличной от нашей системы цвета приведено не было (результаты были просто так интерпретированы). Ради полной объективности потребовалось бы прежде всего создать независимый от особенностей культуры словарь цветковых терминов (что едва возможно).

Работа Риверса оказала влияние на исследовательский проект Берлина и Кея (см.: [Berlin & Kay 1969]). Берлин и Кей ввели ныне хорошо известное понятие базисных цветов. Базисные цвета:

- обозначаются одной морфемой (темно-зеленый не базисный цвет);
- не часть другого цвета (так алый содержится в красном);
- прилагаются к многочисленному классу объектов и хорошо известны (из базисных исключаются такие цвета: пепельный, изумрудный, фисташковый и пр.).

Максимальное количество базисных цветов – 11:

$$\left\{ \begin{array}{l} \text{белый} \\ \text{черный} \end{array} \right\} < \{ \text{красный} \} < \left\{ \begin{array}{l} \text{зеленый} \\ \text{желтый} \end{array} \right\} < \{ \text{синий} \} < \{ \text{коричневый} \} < \left\{ \begin{array}{l} \text{розовый} \\ \text{фиолетовый} \\ \text{оранжевый} \\ \text{серый} \end{array} \right\}$$

Некоторые языки имеют меньшее количество базовых цветов (одним термином может обозначаться синий + зеленый (силёный) или красный + оранжевый + желтый) вплоть до только черного и белого (холодного и теплого). Иногда цвета попадают в разные категории: коричневый может быть отнесен (в одних языках) в категорию с центральным примером в области чисто желтого или (в других языках) в категорию с центральным примером в области чисто черного. Но концептуально люди всегда способны дифференцировать все базовые цвета.

Теперь обратимся к некоторым примерам Витгенштейна (мы продолжаем следовать за статьей Мартина Куша (см.: [Kusch 2014, 99–100 и далее]). Витгенштейн помещает необычные для нас гипотетические примеры в вымышленный (часто – социально-культурный) контекст:

1. Представители неизвестного племени отождествляют (представляют схожими) объекты (для нас) красного цвета с объектами (для нас) зеленого цвета. И пусть они используют один термин «листоцвет» (различие между зеленым и красным в силу социальных и культурных особенностей не имеет для них значения). Представители племени принципиально способны выучить понятия красного и зеленого (принципиально различают данные цвета). Для Витгенштейна отсутствие терминологического аналога для наших цветовых понятий (как в случае с синим цветом) не означает более низкую ступень эволюции цветового восприятия. Таких примеров в разных работах Витгенштейна много.

2. Ряд примеров затрагивает отличное от нашего цветовое восприятие или же логику цвета. Представим способность к абсолютному зрению. Люди с абсолютным зрением способны различать не различающиеся для нас оттенки цвета (см.: [Zettel 368]). Их система

обозначения будет отличаться от нашей. Соответственно, нашу систему цвета нельзя принять за стандарт. И пусть такие люди обозначают многочисленные оттенки разных цветов через числа. Нам трудно будет точно представить опыт их цветового восприятия. Или представим культуру с другими основными цветами. Через основные определяются остальные цвета. Мы говорим: пурпурный – это синевато-красный. Пусть вместо красного, синего, желтого цвета люди используют цвета пурпурный, оранжевый, сине-зеленый и желто-зеленый. И пусть красный определяется как пурпурно-оранжевый. Тогда мы получим совершенно другой способ организации пространства цвета (**до известной степени**, см.: [Ш 86]).

3. Язык без цветовых понятий. Пусть цвет предметов постоянно меняется или пусть язык позволяет говорить о цветах только в неразрывной связи с формой вещей. Во втором случае язык будет содержать только понятия формоцвета (отдельных понятий цвета не будет) [Ш 130].

Примеры показывают относительную размытость и неуниверсальность нашей системы цвета. Отдельные замечания Витгенштейна можно считать прямой критикой понятия базовых цветов. Так, в заметках по философии и психологии говорится о гипотетическом языке: вместо прилагательных цвета обозначаются глаголами. И такой феномен теперь эмпирический факт (см.: [Lucy 1997]).

Вслед за Мартином Кушем укажем основные положения в исследовании грамматики цвета:

- грамматика цвета рассматривает логику цветовых понятий. Рассматривает фактические (иногда вымышленные) языковые игры в поисках общезначимых высказываний;
- особое внимание уделяется базовым суждениям (типа «белый – самый светлый цвет»). Осмысленность высказываний определяется контекстом языковой игры;
- описание цвета всегда зависит от контекста [I 63];
- (следствием) неопределенность понятия цвета и понятия одинаковости цвета [I 17];
- грамматические предложения (в которых «прописаны» правила использования понятий) в разной степени полезны и всегда связаны с природными и физиологическими фактами.

Витгенштейн (как подтвердили теперь и многочисленные эмпирические исследования) предугадал невозможность полной универсализации системы цветов. Логика цвета (естественным образом связанная с природой и физиологией зрительного восприятия) из-за социально-культурных (антропологических и психологических)

различий не может быть абсолютно неизменной. Вариативность в том числе допускается из-за несводимого (в деталях часто не поддающегося отслеживанию) разнообразия языковых игр внутри отдельных языков и систем цвета. Хотя отдельная редукция (модель) (в контексте антропологии и психологии цвета) частично и может быть обоснована.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бибихин 2005 – *Бибихин В. В.* Витгенштейн: смена аспекта. Москва. 2005.
- Berlin & Kay 1969 – *Berlin B. & Kay P.* Basic Color Terms. CSLI Publications, 1969.
- Horner 2000 – *Horner Elaine.* 'There Cannot be a Transparent White': A Defence of Wittgenstein's Account of the Puzzle Propositions. *Philosophical Investigations* 23 (3), 2000. P. 218–241.
- Kusch 2014 – *Kusch Martin.* Wittgenstein as a Commentator on the Psychology and Anthropology of Colour. In: *Wittgenstein on Colour / ed. by Stefan Rieglernik & Frederik A. Gierlinger.* De Gruyter. 2014. P. 93–108.
- Lucy 1997 – *Lucy J. A.* The Linguistics of "Color". In: *Color Categories in Thought and Language / ed. by Hardin C. L. & Maffi L.* Cambridge University Press. 1997. P. 320–346.
- McGinn 1991 – *McGinn Marie.* Wittgenstein's Remarks on Colour. *Philosophy*, 66, 1991. P. 435–53.
- Mras 2014 – *Mras Gabriele M.* 'Propositions About Blue' – Wittgenstein on the Concept of Colour. In: *Wittgenstein on Colour / ed. by Stefan Rieglernik & Frederik A. Gierlinger.* De Gruyter. 2014. P. 45–56.
- Westphal 1987 – *Westphal Jonathan.* Colour: Some Philosophical Problems from Wittgenstein. Oxford: Blackwell, 1987.
- Wittgenstein 1975 – *Wittgenstein L.* Philosophical Remarks. University of Chicago Press. 1975.
- Wittgenstein 1976 – *Wittgenstein's Lectures on the Foundations of Mathematics (from the Notes of R. G. Bosanquet, Norman Malcolm, Rush Rhees and Yorick Smythies) / edited by Cora Diamond.* Cambridge. 1976.
- Wittgenstein 1997 – *Wittgenstein L.* Remarks on Colour / edited by G. E. M. Anscombe. Oxford. 1997.

Материал поступил в редакцию 19.11.2019